

Следом показалась стройная фигура в простом даосском халате, она неспешно ступила на подножку повозки. Каждый её шаг был лёгок, как дуновение ветра, словно она ступала по облакам. Широкие одежды не могли скрыть её изящную статью; осанка была прямой и в то же время мягкой, подобно стеблю молодого бамбука. Рукава развевались на ветру, чистые и непорочные, словно лишённые мирской пыли.

Лицо её скрывала тончайшая, подобная цикадиному крылу вуаль, сквозь которую смутно угадывались холодные и чёткие черты. Открытые брови и глаза напоминали далёкие горные хребты, подёрнутые дымкой, а глаза были чисты, как осенние воды без единой ряби.

Она медленно подошла к госпоже У, опустила взгляд и произнесла прохладным, звенящим голосом:

— Матушка.

Услышав этот зов, госпожа У взволнованно задрожала губами и выдавила из себя лишь одно слово:

— Эй!

Она машинально потянулась схватить девушку за руку, однако Шэнь Яоюй отступила на шаг назад, избегая прикосновения и выказывая явное отчуждение.

В этот момент раздался неожиданный детский голосок:

— Ого... Старшая сестрица — фея?

Шэнь Яогуан как раз смотрела на гостью с восхищенным блеском в глазах. Услышав звук, она оглянулась: это была младшая дочь из третьего дома Шэнь Яоинь. Прекрасно! Та озвучила её собственные мысли. Простой белый даосский халат подчёркивал кожу Шэнь Яоюй, словно источавшую нежное сияние, а те руки... Шэнь Яогуан казалось, что она слышит стук собственного сердца!

Вот только рост! Она была такой высокой! Но её красота заставляла забыть о росте, потому что все вокруг невольно были потрясены её грацией.

— Ох, главное, что старшая барышня вернулась, вернулась, — голос опережал появление самой говорившей.

Это говорила вторая госпожа Сюэ, которая вместе с третьей госпожей Чэнь быстрым шагом направлялась к ним.

Когда они приблизились, Сюэ чуть запыхалась. Глядя на такую красавицу, она с напускной теплотой и долей извинения произнесла:

— Я думала, старшая барышня прибудет не раньше полудня, никак не ожидала, что вернётся

так рано. Мы со второй и третьей тётками запоздали с встречей, не судите строго.

Говоря это, она сделала несколько шагов вперед, словно собираясь взять Шэнь Яюй за руку, но та точно так же отстранилась.

Лицо госпожи У изменилось, и она холодно бросила:

— Что за глупости говорит вторая невестка? Что значит «не ожидала, что вернётся так рано»? Будто моя дочь вообще не должна была возвращаться.

Сюэ от её бестактных слов залилась краской неловкости, но поспешила оправдаться:

— Нет-нет, вините меня за язык, конечно же, мы все с нетерпением ждали возвращения старшей барышни.

Госпожа У не пожелала продолжать этот разговор. Сгорая от нетерпения воссоединиться с дочерью после долгой разлуки, она обвела всех взглядом и сухо сказала:

— Хватит тут толпиться, расходитесь по домам.

Затем она с материнской нежностью посмотрела на Шэнь Яюй:

— Доченька, пойдём, мама проводит тебя в приготовленные покои. Ты устала с дороги, отдохни сперва.

Шэнь Яюй молча кивнула и послушно последовала за госпожой У, позади которой шли три молчаливые служанки с суровыми лицами.

Сюэ застыла на месте, в её глазах мелькнуло раздражение, но возразить она не смела. Чэнь тихонько шепнула ей:

— Вторая золовка, давайте тоже пойдём.

Опомнившись, Сюэ выдавила из себя улыбку, окликнула законных детей и вместе с Чэнь повернула назад.

Остальные, глядя им вслед, тоже начали расходиться, жаждающая поскорее поделиться с другими тем, что довелось увидеть сегодня.

Шэнь Яогуан по дороге домой всё ещё находилась под впечатлением от визуального удара, нанесённого Шэнь Яюй.

— Цуйцуй, твоя барышня может умереть без сожалений...

— Тьфу-тьфу-тьфу... — услышав, как та легко бросается словом «смерть», Цуйцуй испуганно перебила её: — Что за глупости говорит барышня, какая ещё смерть!

— Я просто не ожидала, что старшая сестрица окажется *такой*... — Шэнь Яогуан вспомнила только что увиденную сцену и взглянула на собственные тонкие, но вполне обычные руки. — Ты видела? У старшей сестрицы такие красивые руки, так и хочется спросить, как она за ними ухаживает...

— ... — Цуйцуй тоже вытянула руку, окинула её взглядом, затем посмотрела на руки Шэнь Яогуан и вздохнула: — Барышня, красота даётся от рождения, тут ничего не поделаешь, приходится смириться.

Шэнь Яогуан сочла это замечание весьма справедливым, согласно кивнула и тут же вздохнула:

— Эх, как же хочется видеть руки старшей сестрицы каждый день.

Шэнь Яоюй шла следом за госпожой У по извилистым галереям, пока они не добрались до изысканного внутреннего двора.

Госпожа У расплылась в улыбке и ласково произнесла:

— Юй-эр, этот Цинъюань всегда готовился специально для тебя. Посмотри, по душе ли тебе?

Шэнь Яоюй огляделась: резные двери из красного дерева, роскошное убранство. Опустив взгляд, она бесстрастно произнесла:

— Матушка потратила много сил.

Заметив, что та по-прежнему холодна и её пылкое тепло окатили ледяной водой, госпожа У невольно почувствовала, как защипало в глазах, и всхлипнула:

— Юй-эр, неужели ты всё ещё винишь меня? Тогда я вовсе не ведала...

Не дослушав, Шэнь Яоюй равнодушно прервала её, и в голосе зазвучало ещё большее отчуждение:

— Матушка, я устала и хочу отдохнуть.

С этими словами она слегка кивнула госпоже У и повернула к главным покоям.

Госпожа У смотрела ей вслед, и слёзы всё же пролились ручьём. Стоявшая рядом матушка Цэнь тут же поднесла платок, промокнула ей глаза и принялась утешать:

— Госпожа, у барышни такой нрав, она с детства привыкла к холоду. Стоит ли обижаться? Впереди ещё много времени.

Госпожа У глубоко вздохнула, с трудом подавляя жжение в груди, и тихо произнесла:

— Матушка Цэнь права, это я излишне тороплюсь... Только... она даже словом со мной не пожелала поделиться по душам.

Матушка Цэнь спрятала использованный платок, поддержала госпожу У, помогая ей покинуть Цинъюань, и на ходу увещевала:

— Не спешите, госпожа, барышня только вернулась, ей нужно привыкнуть. Со временем вы станете ближе.

— Будем надеяться.

Вздох затерялся в порывах ветра.

Войдя в главные покои и толкнув дверь, Шэнь Яюй обнаружила внутри роскошное убранство. На полу лежал шерстяной ковёр, на стенах висели картины и каллиграфия известных мастеров, а на низком столике стояла фарфоровая ваза с узором из синей глазури, в которую были воттки несколько свежесрезанных веточек сливы, источавших тонкий манящий аромат.

Он холодно бросил:

— Моин, выбрось.

— Слушаюсь, — отозвалась Моин, вытащила ветки сливы из вазы и вынесла их из комнаты. Её госпожа не терпела в помещениях никаких посторонних запахов, особенно сливового аромата, да и в даосской обители присутствие запахов в кельях строго возбранялось.

Шэнь Яюй уже сидела в кабинете. Тонкие, с чётко очерченными суставами пальцы держали кисть на весу, и на рисовой бумаге постепенно проступал горный пейзаж.

Ханьсин и Шуанхуа стояли за дверью и через приоткрытую створку обменялись многозначительными взглядами. Обе знали: хозяйка берётся за кисть лишь тогда, когда её настроение омрачено.

Они бросили взгляд на прямую спину госпожи за письменным столом: если бы не одно неотложное дело, заставившее её вернуться, она бы наверняка и ногой не ступила в эту резиденцию министра.

Внутри кабинета кисть в руке Шэнь Яюй продолжала скользить по бумаге, но вокруг неё витала атмосфера прохлады и одиночества.

Внезапно зимний ветерок донёс из приоткрытого окна аромат сливы, ворвавшийся в кабинет. Рука, державшая кисть, замерла в воздухе, между бровей залегла лёгкая складка, а на дне

чернильно-чёрных глаз скрылось раздражение.

Шэнь Яогуан, вернувшись в Чжиланьюань, всё ещё думала о Шэнь Яоюй. Белая луна остаётся белой луной именно потому, что обладает всеми качествами недостижимого идеала: чиста, прекрасна, недоступна и навсегда чужда. А её старшая сестрица была той самой киноварной точкой, впитавшей в себя все эти черты. Теперь она даже отчасти понимала главного героя — ведь именно эта девушка пленила всю его юность!!!

<http://bllate.org/book/21409/2184846>